

Колониальная весна

«Одинаково ждешь, одинаково молчишь, одинаково живешь» — письма Антонины Фаворской о системе, где всех выравнивают до одного состояния

Антонина Фаворская. Фото: Софья Сандурская / ТАСС

09:12, 10 апреля 2026,

Андрей Карев

корреспондент судебного отдела

Письма из мест заключения редко приходят с какими-то «новостями» в привычном смысле. Это скорее свидетельства не столько о событиях, сколько о самой «ткани жизни» внутри тюремной системы, где человека постепенно сводят к «единице учета». Когда стало известно об этапировании журналистов, осужденных по делу ФБК*, «Новая» разослала им письма в колонии. Ранее мы **выпустили** ответ Артема Кригера. Сегодня публикуем письма от журналистки SotaVision** Антонины Фаворской. Помимо них по делу осуждены Сергей Карелин и Константин Габов. Все четверо получили 5,5 года общего режима за журналистику.

Антонина оказалась под арестом в марте 2024 года: сначала — десять суток за «сопротивление полиции» после съемки на Борисовском кладбище, затем — уголовное дело, после которого ее уже не выпустили. Следствие сочло ее профессиональную деятельность — участием в «экстремистском сообществе». Фаворская освещала судебные процессы по делу Алексея Навального, в том числе заседания, проходившие по видеосвязи с колонией в поселке Харп за Полярным кругом, где он отбывал наказание по делу об «организации экстремистского сообщества».

За день до гибели политика именно Фаворская сняла его выступление на заседании Владимирского областного суда. Эти кадры стали последней прижизненной видеозаписью Навального.

В феврале стало известно, что Тоню этапировали в костромскую колонию. Теперь, как она сама это называет, находится прямо в «колониальной империи». Ее письма в нашу редакцию — не

только о быте, хотя и о нем тоже: о бесконечных очередях, тумбочке вместо стола, марш-бросках с баулами, из которых состоит вся твоя прежняя жизнь, и о правилах, регулирующих буквально каждое движение. Но важнее — о другом.

О том, как в одном пространстве стираются различия между «политическими» и «обычными» заключенными. О том, как человек учится выживать без личного пространства и находит его внутри себя. О странной, почти упрямой способности замечать красоту: в мартовском небе над колючей проволокой, в березах за забором, в солнечном свете, который «дотягивается» до табуретки в отряде. И о том, как среди шума, ругани и дисциплины возникает что-то похожее на порядок или, по крайней мере, на смысл. Эти письма — о жизни, сведенной к минимуму, и о попытке этот минимум не отдать.

Кравцова (Фаворская) Антонина Юрьевна, 1989 г.р.

ФКУ ИК-3 УФСИН России по Костромской области

Чтобы мои ответы не потерялись во «ФСИН вселенной», буду отправлять частями. Этап прошел на удивление быстро по сравнению с тем, что испытывают заключенные, которых отправляют в Пермь или Новосибирск для ожидания «законки» (решение после апелляции на приговор). Всего лишь четыре дня с остановками в Ярославле. Все это терпимо, и я просто не имею права жаловаться, зная, какой этап был у Алексея Горинова и Алексея Липцера. Зная, через что прошла Нина Слободчикова, которую этапировали из Москвы в новосибирскую ИК. Зная, как этапировали заключенных во время ГУЛАГа.

Самым сложным для меня были не поездки в автозаке и столыпине (к ним я морально

готова), а марш-броски под конвоем, глазеющими гражданами под лай собак со всеми баулами и сумками, которые должен как верблюд на себе нести в темпе вальса.

Не оглядываясь и не останавливаясь. Что не смог взять, то осталось на перроне, и удача, если кто-то помог донести вещи из числа других заключенных. Но рассчитывать можно только на себя. И всем тем, кому предстоит этап, я советую не повторять мои «подвиги» и брать столько, сколько можешь донести за один раз самостоятельно. Я не смогла распрощаться со многими документами по уголовному и административному делам, с 16 книгами, тетрадями, исписанными лекциями и стихами известных поэтов, с любимыми письмами, фотографиями и текстами песен, со своими рисунками и дневниками. Со всем тем, что составляет мою жизнь, поэтому несла эту «жизнь» на себе, словно я Шварценеггер. А потом половину из этого изъяли. Так моя «тяжелая жизнь» осталась в камере хранения.

28.02.2026

Весна. Смотрю в окно без решеток на заборы из колючей проволоки, с крыши льется капель, на ярком костромском голубом небе летит равнодушный самолет. Мартовский кот грациозно шагает по водопроводной трубе, спрыгивает в снег и идет на цыпочках вдоль «швейки-фабрики», где трудятся заключенные. В этот момент в курилке кому-то улыбается Женя Беркович, а солнечные лучи дотягиваются до меня, сидящей на табуретке в отряде, и обнимают своим теплом — наконец-то дышится весной!

Вот уже месяц я нахожусь в колониальной империи. В той

новой жизни, где заключенные всех мастей и тяжестей содержатся вместе. Ты пьешь кофе, спишь, моешься бок о бок с убийцами, наркоторговцами, ворами, осужденными за коррупцию, мошенничество, по террористическим статьям, за экстремизм, «фейки» и шпионаж... Но это все не имеет значения. За спиной бесконечной песней несутся сплетни, кто кому что сказал, не туда встал, не так положил.

Колония — это место тотальной уравниловки. Молодой, пожилой, экономический, насильственный, политический. Здесь ты одинаково выполняешь зарядку в 6.15 утра, одинаково стоишь на плацу в зеленом бушлате на проверке, одинаково ждешь очереди в столовой, где одинаково молчишь, одинаково прорываешься в душ, к раковине, в туалет, к столу, к стулу у телевизора. Одинаково выслушивая матерные трели старосидов.

Главное, что тебя отличает в этом потоке бесконечных одинаковых действий машинальной беготни от баула к тумбочке, от тумбочки — к столу, от отряда — к плацу, от плаца — до столовой и обратно. Это твой внутренний мир.

Фото: Дмитрий Лебедев / Коммерсантъ

И ты обнаруживаешь новый тюремный цзен в этой обители бесконечного бытового хаоса и неудобств, где ты делишь один душ, четыре туалета, шесть раковин и два холодильника на зеленую массу зэчек, приближающейся к сотне, и говоришь себе: «Всё в норме. Я справлюсь».

Идущие по отряду люди в броуновском движении обретают логическую структуру, и за атмосферой бегущего безумия ты видишь, как рождается новая галактика из звезд, планет, космического мусора и комет, где все соединено друг с другом глобальным смыслом бытия.

Все, кого кидают из карантина в отряд, переживают свой личный внутренний ад, привыкая к неутихаемому потоку людей, разговоров, ругани, очередей. И ты либо рано или поздно адаптируешься к жизни в муравейнике, где нет личного пространства, кроме твоего внутреннего мира, либо... другого варианта нет. В дурдоме все спокойно.

Бережно заправленные в шесть утра постели манят своей девственной гладкостью, но ни сидеть, ни спать на них до самого отбоя в 22.00 нельзя. Я сижу на своей табуретке, и тумбочка заменяет мне стол. В углу комнаты заключенные обсуждают, как кто-то не помыл после себя унитаза. За окном голые березы неподвижно смотрят на меня и весело подмигивают. Говорят, что те, кто сидит здесь более 10 лет, знают каждое деревце в лесу, которым окружена колония, и с каждым из них здороваются, блаженно покуривая в перерыве от работы. Может быть, и мне пора давать имена этим подмигивающим березкам?

Снег тает. Солнце ослепляет. Вдоль отрядов медленно прохаживаются, аккуратно наступая на ледяную жижу, Оля Меньших и Надежда Федоровна. Пойду и я погуляю. Весна.

12.03.2026

Снег еще лежит, но уже солнышко греет так, что я загорела, словно на Мальдивах. Сердцем нашей колонии является плац, на котором мы выстраиваемся минимум пять раз в день: на зарядку, чтобы поесть и чтобы нас пересчитали, как цыплят. Перед плацем находится самое главное место колонии — столовая. На ней висит большая желтая вывеска, на которой белыми буквами шрифтом Times New Roman написан главный мотивационный девиз нашего исправительного учреждения: «Только желание и труд приведет тебя к успеху!». В 6.15 мы стоим на утренней зарядке в лучах восходящего солнца, над нашими головами летают чайки, голуби, цапли и сапсаны.

Каждый день, выполняя на плацу упражнения в бушлате и нетянущейся зэковской форме под песню Игоря Николаева «Такси», я смотрю на

эту желтую вывеску, и в памяти невольно всплывает фраза: «Труд делает тебя СВОБОДНЫМ».

Вокруг плаца расположены двухэтажные домики отрядов, построенные в 60-х годах. У церкви стоит небольшой военный мемориал со звездой в цветах георгиевской ленты и серыми табличками: «Жертвам нацизма», «Труженикам тыла», «Партизанскому движению» и другие. Но больше всего мне нравится — «Узникам концлагеря».

Одной большой молчаливой гусеницей мы ходим строем по всему этому сюрреализму. А три раза в день с плаца медленной колонной мы всеми отрядами одновременно входим в столовую... Точно на поминки. В полной траурной тишине мы должны зайти в столовую (даже если не хочешь есть — ходить в столовую обязан). В траурной тишине повесить свои бушлаты, молча в давке не придавив соседа, и также молча в траурной тишине встать в очередь на рассадку. Взяв свою казенную пищу богов, мы опять же в тишине должны успеть ее съесть в течении 5–10 минут, пока нам не скомандуют выйти одним словом, как собакам: «Седьмой!.. Пятый!... Третий!» (в зависимости от номера отряда). После выхода из карантина ты в иерархии и со своей интеллигентностью самый последний в очереди на рассадку, а значит, время на еду у тебя самое короткое. Если в столовой кто-то посмел разговаривать, то звучит окрик: «Внимание!» или «Закройте рот!». При этом рассадка останавливается, а если все уже поели, то заключенные сидят за столами до тех пор, пока в столовой не воцарится мертвая тишина, не произойдет катарсис, а может не появится *deus ex machina* (бог из машины).

Толкаясь и пытаясь в раздевалке вытащить, молча матерясь, бушлат, уже скинутый на пол, ты снова в тишине должен

одеваться и быстро выйти из столовой на плац, построиться и пройти шеренгой по пять человек до нашей авеню, где стоят домики отрядов. Там уже можно расслабиться и ходить вольно.

После еды мы обыкновенно гуляем всеми отрядами и кружками по интересам по бетону, грязи и лужам весны. Но главное — это душевная компания, а не эта обстановка.

Фото: Дмитрий Лебедев / Коммерсантъ

В отрядах в это время в ругани и очередях моются, стираются, убираются.

- **Интересный факт № 1:** здесь запрещены пластиковые ножи. Обыкновенный человеческий нож, прикрепленный на замок к трубе в «чайхоне» (небольшой комнатке для чаепития, где

три стола, несколько холодильников и ящиков), выдается только на ограниченное время и только на один отряд (на момент написания письма у нас в отряде — 164 человека). Лично я нарезаю сыр и колбасу пластиковой ложкой, и это отдельное эстетическое «удовольствие».

- **Интересный факт № 2:** в борьбе за раковину, постирав свои пожитки, ты должен повесить их на морозе в ангар на улице или на пару маленьких напольных сушилок в комнате для отдыха, купленных другими заключенными. Эти сушилки всегда заняты и переполнены. Напомню — нас 164 человека. Вешать постиранные вещи на кровать, табуретку или батарею — это рапорт. Поэтому я почти ничего не стираю. Или надеваю полумокрые вещи. И хожу как водяной.
- **Интересный факт № 3:** наша замечательная форма — зеленого цвета. Но сейчас новая мода — потихоньку выдают и бордового цвета. Мне повезло, и я счастливый обладатель бордо-штанов от «кутюр». И зеленая, и бордовая одежда сделана преимущественно из синтетики, отчего с непривычки чешется вся кожа (на бирке моих бордовых штанов состав такой: полиэфир 60%, хлопок 40%). Но главное, что в холод зэковская форма не греет, а в жару — не дышит и нагревается. «Красота» требует жертв.
- **Интересный факт № 4:** по п. 41 [ПВР УИС](#) держать в тумбочке можно лишь ограниченное количество предметов. За нахождение иных предметов типа крема для рук или носка — рапорт. Все свои вещи ты должен держать в ограниченном по размеру бауле, который стоит в «баульной» — отдельном помещении с многоэтажными секциями, как в камере хранения на провинциальном вокзале или на складе ИКЕА. Чтобы взять крем для рук, ты должен пойти в эту «баульную» (одна на весь отряд) и рыться в сумке, акробатически стоя на лесенке, выждав момент, когда снизу, сверху и по бокам ты никому не мешаешь подойти к сумкам. И так с каждой вещью. Лишний раз лучше ничего не брать и ничем не пользоваться. И быть свободным, как птица

в небесах. Или бомжом.

- **Интересный факт № 5:** с баулами тоже не все так легко. Нельзя просто взять и положить свой носок или крем для рук и уйти. Ибо все вещи в твоём бауле должны быть точно описаны. Ежели при обыске обнаружат предметы, которые ты забыл вписать в опись, то пиши — пропало. Вещь эту изымут и выпишут рапорт. Та же песня с продуктами в холодильнике. Все продукты маркируются датой вскрытия с твоей ФИО. В случае просрочки — все уйдет в утиль. Вот такая веселая баульная: получил посылку и полдня сидишь, все переписываешь, сортируешь, описываешь и запихиваешь в свой бездонный баул и холодильник. Но и в этом есть свой плюс: российская тюрьма — лучшее место для тех, кто болен ОКР (*обсессивно-компульсивное расстройство* — **Ред.**). Приезжайте к нам — и расстройство как рукой снимет!
- **Интересный факт № 6:** молоко, масло и яйца выдаются только по диете больным СПИДом, ВИЧ и другими заболеваниями. Остальные «здоровые» должны довольствоваться молоком или сгущенкой в утренней каше, на которой ее варят. Или покупать молочку в магазине. Если смогут. Например, «поймать» творог во ФСИН-ларьке — тот еще квест. Идешь в магазин — обвешайся кроличьими лапками, клевером и прочими заклинаниями. Возможно, тебе повезет!
- **Интересный факт № 7:** помывка производится в бане — большой душевой, которая находится в отдельном здании. Туда ты можешь ходить по графику два раза в неделю на 15 минут. Но чтобы окончательно «замыться» — в отряде есть еще целых два душа на 164 человека, которыми можно пользоваться с 17 до 21.30 (в 19 часов приходит рабочая смена, и надо учитывать, что им после рабочего дня очень хочется помыться). Я не большой ценитель советских очередей, поэтому на спа-процедуры попадаю не чаще двух раз в неделю. Но есть и те, кто в этих очередях живет и купается каждый день.

- **Интересный факт № 8:** феном пользоваться нельзя. Также нельзя ходить с распущенными волосами. Помыл голову — убери волосы в пучок или косу. И ходи с мокрой головой целый день. Иначе рапорт. Ежели у тебя волосы как у Рапунцель — жди лета. Или переходи на прическу солдата Джейн.
- **Интересный факт № 9:** телевизор в отряде находится в комнате отдыха. В ней заключенные пишут письма и кассации, читают книги, рисуют, и всё под радостные звуки зомбоящика. Пульты у нас нет. Программу для нашего перевоспитания определяют свыше — наш большой брат. И чаще всего я пишу письма под звуки пропаганды Муз-ТВ и сериалов с ТНТ. Но иногда нам по вечерам включают кино. Однако есть один небольшой нюанс: фильм заканчивается позже, чем мы должны покинуть комнату отдыха, поэтому концовку мы додумываем сами. Такая возможность для творчества и фантазии!

В этой бесконечной мышинной суете, похожей на жизнь в переполненном московском метро в час пик, есть и свои преимущества — это чудное небо, под которым я не гуляла почти два года жизни в СИЗО. Вечером над колонией появляется седая луна и «жемчужные плевочки» — большие яркие звездочки, которые трогательно мигают всем нам — маленьким человечкам на маленькой планете. И стоя на вечерней проверке, я часто думаю, что по сравнению со вселенной вся эта тюремная жизнь бытового ада с очередями, руганью, правилами, баулами, матом — всего лишь тлен.

Над нашими головами — вечность и бесконечность. Спокойствие и безграничная сила нашей мечты. И невыносимая легкость бытия... Вот так просто.

1.04.2026

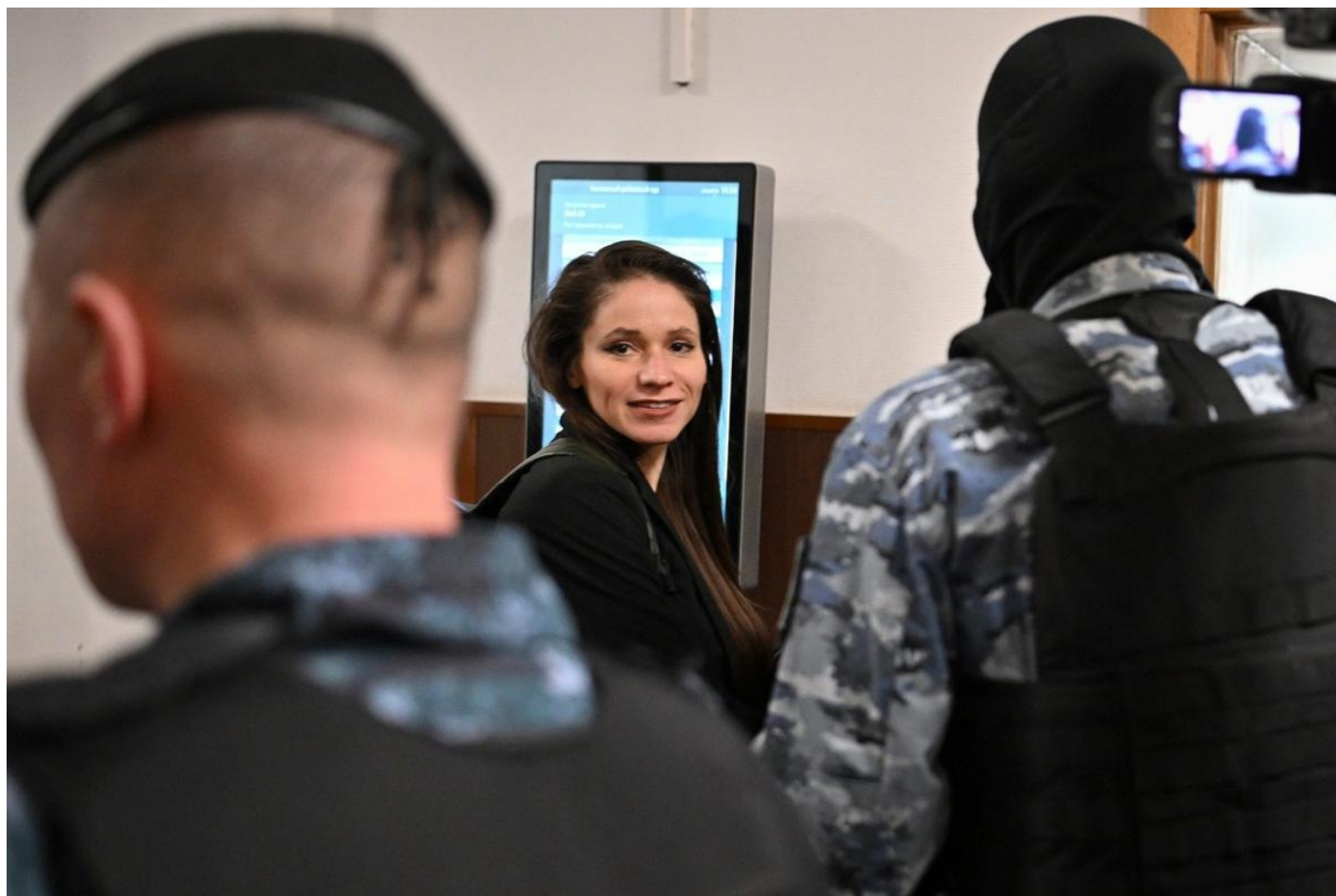

Фото: AP / TASS

* Организация внесена в реестр иностранных агентов, террористов и экстремистов и запрещена в РФ

** Минюст внес в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Я бросила театр и пошла искать, как спасти свою душу»](#)

Журналист и актриса Антонина Фаворская ответила из СИЗО на вопросы «Новой»

12:24, 10 октября 2024, Зоя Светова